

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Часть 12. СТИХИ.

МИХАИЛ ДУДИН

Составитель МУЧНИК ЭТЯ БОРИСОВНА

Дудин Михаил Александрович (р. 1916), переводчик.

Родился 20 ноября в деревне Клевнево Ивановской области в крестьянской семье. Род Дудиных - род скоморохов, бродячих артистов и поэтов, и наверное, это определило его призвание. Учился в школе крестьянской молодежи на агронома, но агронома из него не вышло. Окончил Ивановскую текстильную фабрику-школу, получил специальность помощника ткацкого мастера, но ткачом тоже не стал. Начал писать стихи рано, с 1934. В 18 лет призывается в армию, учится в полковой школе младших командиров, но не успевает ее окончить. Начинается война с Финляндией. Его направляют на фронт (1939 - 40). Творчество стало для него "спасением от страха и одичания". Первая книга стихотворений "Ливень" вышла в Иванове в 1940. С мая 1940 по 2 декабря 1941 служит в гарнизоне полуострова Гангут (русское название полуострова Ханко), героически оборонявшегося от финских войск. В декабре гарнизон эвакуируется в Кронштадт. Начавшаяся Отечественная война застает Дудина в Ленинграде, где ему пришлось пережить начало блокады. Позже работает во фронтовых газетах. В годы войны вышли сборники "Фляга" (1943), "Костер на перекрестке" (1944). В послевоенные годы публикует сборники: "Считайте меня коммунистом" (1950), "Мосты. Стихи из Европы" (1958), "До востребования" (1963). В 1970-е много и успешно работает, выпуская сборники стихотворений довольно регулярно: "Татарник", "Поэмы", "Рубежи", "Клубок" и др. В 1977 вышла книга очерков - "Право на ответственность". В 1986 публикует книгу стихов и поэм "Песни моему времени". В 1987 - поэмы "Зерна", в 1989 - книгу стихов "Заканчивается двадцатый век" и книгу, вышедшую в Ереване, - "Земля обетованная" в 1995 - "Дорогой крови по дороге к Богу" (стихотворения 1986 - 93). М.Дудин живет и работает в Санкт-Петербурге.

В БОЛЬНИЦУ

Константину Ивановичу Коничеву

Не жди никогда завершенья намеченной цели
И в споре рессор и в покое больничных палат.
Мой старший товарищ лежит на казенной постели
И слушает молча, как сердце стучит невпопад.

Стучит его сердце впервые с таким перебоем.
И мысли всплывают и снова сникают во тьму.
Мой старший товарищ не знает, как пахнет
покоем
Мир яростной жизни. Покой непонятен ему.

Он красное знамя, как правду высокой святыни,
В двадцатом году целовал, от восторга дрожа.
И мы никогда не прошли б через пекло пустыни,
Не будь у пустыни зовущего вдаль миража.

От солнца лучей выцветают цвета акварели,
И пробует время на старой бумаге пастель.
И цель, как мираж, возникает из призрачной
цели,
Уходит в туман и опять появляется цель.

Мой старший товарищ - разведчик особого
вида:
Где он проходил, на песках поднимается лес.
Все шло через сердце: восторг высоты и обида,
Энергии сердца хватило б на Братскую ГЭС.

Лежит мой товарищ на белой казенной постели.
Парит его сердце и падает снова в провал.
И цель возникает, как песня из призрачной
цели.
Вставай, мой товарищ. Идем. Впереди перевал.

Нам надо еще миражу миражей улыбнуться.
И опытом жизни поспорить с неверья бедой.
И выйти к оазису. Рухнуть в траву. Не
из блюдца -
Из чистых глубин захлебнуться живою
водой.

1967

И. Т.

В моей беспокойной и трудной судьбе
Останешься ты навсегда.
Меня поезда привозили к тебе,
И я полюбил поезда.

Петляли дороги, и ветер трубил
В разливе сигнальных огней.
Я милую землю навек полюбил
За то, что ты ходишь по ней.

Была ты со мной в непроглядном дыму,
Надежда моя и броня,
Я, может, себя полюбил потому,
Что ты полюбила меня.
1947

* * *

Б. И. Пророкову

В моей душе живут два крика
И душу мне на части рвут.
Я встретил день войны великой
На полуострове Гангут.

Я жил в редакции под башней
И слушать каждый день привык
Непрекращающийся, страшный
Войны грохочущий язык.

Но под безумие тротила,
Сшибающего наповал,
Ко мне поэзия сходила
В покрытый плесенью подвал.

Я убегал за ней по следу,
Ее душой горяч и смел.
Ее глазами зрел Победу
И пел об этом, как умел.

Она вселяла веру в душу
И выводила из огня.
Война, каменья оглоушив,

Не оглоушила меня.

И я запомнил, как дрожала
Земля тревогою иной.
В подвале женщина рожала
И надрывалась за стеной.

Сквозь свист бризантного снаряда
Я уловил в какой-то миг
В огне, в войне, с войною рядом
Крик человека, первый крик.

Он был сильнее всех орудий,
Как будто камни и вода,
Как будто все земные люди
Его услышали тогда.

Он рос, как в чистом поле колос.
Он был, как белый свет, велик,
Тот, беззащитный, слабый голос,
Тот вечной жизни первый крик.

Года идут, и ветер дует
По-новому из-за морей.
А он живет, а он ликует
В душе моей, в судьбе моей.

Его я слышу в новом гуде
И сам кричу в туман и снег:
- Внимание, земные люди!
Сейчас родился Человек!
1959

ВДОГОНКУ ПОСЛЕДНЕЙ КУКУШКЕ

Такое лишь в мае бывает:
Кукует кукушка весь день,
Хоть тысячу лет насчитает,—
Загадывай, если не лень.

Кукует кукушка на воле
И славит земную красу,
Зеленое чистое поле
И синюю речку в лесу.

И спорится трудное дело,
И в деле душа не грустит.
Оглянешься — поле поспело...
И утро капустой хрустит.

А там подступает забота
Зимы на холодной заре.
...Но даже воробушка что-то
Не слышно в моем ноябре.

Продутая ветром опушка
Со всей подоплекой видна.
Жестка, как подошва, подушка,
И ночь, как столетье, длинна.

Давно уже откуковала
Кукушка моя не спеша.
И жалко сегодня, что мало
Весной загадала душа.
1972

ВДОГОНКУ УПЛЫВАЮЩЕЙ ПО НЕВЕ ЛЬДИНЕ

Был год сорок второй,
Меня шатало
От голода,
От горя,
От тоски.
Но шла весна —
Ей было горя мало
До этих бед.

Разбитый на куски,
Как рафинад сырой и ноздреватый,
Под голубой Литейного пролет,
Размеренно раскачивая латы,
Шел по Неве с Дороги жизни лед.

И где-то там
Невы посередине,
Я увидал с Литейного моста
На медленно качающейся льдине —
Отчетливо
Подобие креста.

А льдинка подплывала,
За быками
Перед мостом замедлила разбег.
Крестообразно,
В стороны руками,
Был в эту льдину впаян человек.

Нет, не солдат, убитый под Дубровкой
На окаянном «Невском пяточке»,
А мальчик,
По-мальчишески неловкий,
В ремесленном кургузном пиджачке.

Как он погиб на Ладоге,
Не знаю.
Был пулей сбит или замерз в метель.

...По всем морям,
Подтаявшая с краю,
Плывет его хрустальная постель.

Плывет под блеском всех ночных созвездий,
Как в колыбели,
На седой волне.

...Я видел мир,
Я полземли изъездил,
И время душу раскрывало мне.

Смеялись дети в Лондоне.
Плясали
В Антафагасте школьники.
А он
Все плыл и плыл в неведомые дали,
Как тихий стон
Сквозь материнский сон.

Землятресенья встряхивали суши.
Вулканы притормаживали пыл.
Ревели бомбы.
И немели души.
А он в хрустальной колыбели плыл.

Моей душе покоя больше нету.

Всегда,
Везде,
Во сне и наяву,
Пока я жив,
Я с ним плыву по свету,
Сквозь память человечеству плыву.

1966, Москва

* * *

Весь лагерь спит. Песок прохладой дышит.
И ночь плывет, торжественно тиха.
Она не замечает и не слышит
Походки легкой моего стиха.

Лишь на заливе, тину подминая,
Во всех своих желаниях вольна,
Упругий ритм стиха напоминая,
Ворочается сонная волна.

Восходит солнце, и ложатся тени,
Шиповник раскрывает лепестки,
И вздрагивают головы растений,
И к солнцу продираются ростки.

У финских сосен сизые верхушки
Совсем горят в лазоревом огне.
По-русски настоящая кукушка
Прожить два века обещает мне.
1940

ВОТ КИНЕШМА, ЗДЕСЬ РОДИНА МОЯ

Кинешма! Детство мое быстрое,
Здесь ты прошло по откосам крутым.
Все оглядело и все перетрогало.
Было ли ты золотым? - Золотым!

Вижу сегодня знакомые флаги я,
Берег высокий, зеленый простор.
И на площадке веселого лагеря
Снова горит пионерский костер.

Снова дорожка от берега лунная

Тихо бежит по упругой волне.
Песенка старая, песенка юная
Сердце чего-то встревожила мне.

Снова от пристани, с берега медного,
В тихий туман соловьиных ночей
Девушек с фабрики имени Бедного
Звезды ведут до студеных ключей.

Кинешма! Юность моя не окончена.
Здравствуй! Ты снова сегодня со мной.
Ветер, и Волга, и звезды. И нонче нам
Можно поспорить с высокой волной.

Разве забудешь, из памяти вынешь ли:
Каждый по-своему дорог и мил:
Добрые русые парни из Кинешмы,
Им не подняться из братских могил.

Вьюги отпели, и ветры отплакали,
И поседали невесты у них.
Разве забудешь и хватит, однако ли,
Славе бессмертных дерзання живых!

Молодость, здесь ты росла, колобродила,
Радости ясной в сердцах не тая.
Родина! Милая, милая родина!
Сила, и слава, и совесть моя.
1952

* * *

Все было — до,
Все будет — после.
Всему во всем
Своя пора.
А Человек,
Как искра, послан
Надеждой
В Завтра
Из Вчера.
1972

* * *

Все с этим городом навек —
И песня, и душа,
И черствый хлеб,
И черный снег,
Любовь, тоска,
Печаль и смех,
Обида, горечь и успех —
Вся жизнь, что на глазах у всех
Горит, летит спеша.

Все вместе с нами
И для нас
Сплелось, перевилось:
И очерк губ,
Надежда глаз,
И первый шепот в первый раз,
И седина волос.

И первый бой,
И кровь друзей,
И верность до конца —
Она от совести моей
Не отведет лица.

Я жил,
И я не без греха,
И нечего таить —
Давал в том месте петуха,
Где нужно слезы лить.

Мой век прекрасен и жесток.
Он дорог мне и мил.
Я не сверчок,
Чтоб свой шесток
Считать за целый мир.

И я по городу иду,
Как через радость и беду.
Вся жизнь моя,
Судьба моя,
Двужильная, упрямая,
Каленая, та самая,
Открыта, на виду.

Я душу вынес из огня,
Через кольцо блокад.
Ты песней жизни для меня
Остался, Ленинград!
Всем честным мужеством своим
Неповторимых зим,
И чистотой, и простотой,
И откровенной остротой
Той ленинской души,
Которая в тебе жива,
Как свежий воздух, как Нева!
Бери — стихи пиши!

Жизнь!
Золотое ремесло,
Без фальши и тоски.
Сыпучим снегом занесло
У Ленина виски.

Он — жизнь сама!
Он — сам народ!
Он весь — порыв вперед.
И так всегда —
Из года в год,
Из рода в новый род!

Что будет — радуюсь тому,
Пою о том, что есть.
Пылать здесь сердцу моему
И разрываться здесь.
1956

* * *

Все, словно должное, приемля,
Без передышки, в полчаса,
Мы губим океан и земли
И жжем, как лампу, небеса.

Мы добираемся до точки,
Своих размахов не тая.
Скрипят, как обручи на бочке,
Круги земного бытия.

Чем мы еще потешим души,
Каких наделаем чудес,
Куда мы двинемся без суши,
Без океанов и небес?!
1981

ВСТРЕЧАЯ РАССВЕТ

Зачем мы люди, почему?
*В. Хлебников*¹

Я долго думал на рассвете,
Смотря на дальние холмы:
Кто мы? Земли слепые дети
Или самоубийцы мы?

Протоки светлое колено
Дрожало рябью мелких жил.
И белый аист копны сена,
Расхаживая, сторожил.

Тянулось облако на север,
Пересекала тень тропу.
Гудел пчелиным роем клевер,
И рожь готовилась к серпу.

Мир пробуждался без расчета,
На свой, особенный манер.
И треснул выхлоп самолета,
Скрывая звуковой барьер.

За ним тянулся шлейф невесты,
Сбегающей от жениха.
Качался трактор, словно в тесте,
В суглинок врезав лемеха.

Над взгорьем жаворонок звонко
Сорил казенною казной.
Мир открывал глаза ребенка,
Захлебываясь новизной.
1967

* * *

Всю ночь шел дождь. В сверканье белых молний
Он бился в стекла, брызгами пыли.
И, запахом всю комнату заполнив,
Отряхивали крылья тополя.

А ты спала, как сказочная птица,
Прозрачная и легкая, как пух.
Какие сны могли тебе присниться,
Какие песни радовали слух?

Был сладок сон. И были, словно листья,
Закрыты полукружия ресниц.
Но утро шло все в щебете и свисте,
Все в шелканье невыдуманных птиц.

Казалось, мир в том щебете затонет,
Его затопит этот звонкий гам.
И мне хотелось взять тебя в ладони
И, словно птицу, поднести к губам.

* * *

Дебаркадер да базар,
Яблоки моченые,
Деревянный тротуар,
Каблуки точеные.

Все черемухи в дыму
Над речными плесами.
Пароход на Кострому -
Чайки за колесами.

Много весен утекло
Полноводной Волгою.
Было грустно и светло
Той дорогой долгою.

Вечер мой который раз
Одиноко тянется.
Почему-то вспомнил вас,
И глаза туманятся.

Будто снова от реки,
Новые, с колодочки,
Простучали каблуки,
Лаковые лодочки.

1959

* * *

Для тех, кто жизнь приемлет празддно,
И море - только водоем.
Но нет, оно многообразно
В однообразии своем.

Оно от края и до края,
Вскипая пеной на косе,
Шумит, меняясь и мелькая
В своей полуденной красе.

Оно под стать, в соленой пене
Всегда снующее у ног,
Непрекращающейся смене
Моих сомнений и тревог.

Оно подходит вал за валом,
Оно зовет, оно поет.
Оно на гребне небывалом
Сулит и мне высокий взлет.

Оно отрадой входит в душу,
Берет и валит наповал.
И где-то там идет на сушу
Моей любви девятый вал.

* * *

Душа моя, а все ли ты свершила?
Что из того, что не сбылась мечта,
Из грязи прорастает красота,
Без пропасти немислима вершина.

Пока жива — надеждою лучись,

В отчаянном дыму столпотворенья,
Сама в себе не презирай терпенья,
А у терпенья мудрости учись.
1969

* * *

Еще один однополчанин
В дорогу вечности отчалил.
Ушел еще один Солдат.
К оставленному поколенью,
Туда, на сорок лет назад.

Ушел к друзьям любви и чести,
Чтоб навсегда остаться вместе
На рубежах сторожевых.
Ушел связным времен и веры,
Примером мужества без меры,
Надеждой мертвых и живых.

Он был воистину Поэтом.
Пусть жизнь печалится об этом.
И пусть не тронет никогда
Его судьбы и жизни дело,
Осуществленное умело,
Забвенья горькая вода.

* * *

Свой добрый век мы прожили
        как люди
И для людей.
        Г. Суворов

Жизнь в самом деле дружит с нами.
Живи, душой не холодей
И делай так, чтоб люди знали,
Что жизнь ты прожил для людей.

Когда тебя совсем не будет
И время память запрядет,
Пусть о тебе промолвят люди:

«Он вышел, он сейчас придет».
1956

ЗЕМЛЯНКА

Под снегом был песок и камень.
Не грунт — железный колчедан.
Киркой, лопатой и руками
Мы углубили котлован.

Стесали стенки прямо, ровно,
Досок, соломы нанесли.
Рубили лес, тащили бревна,
На крышу сыпали земли.

И вот окончена работа.
Морозный воздух в грудь вдыхай.
Сотри шинелью капли пота,
Входи, ложись и отдыхай.

Здесь пахнет потом и овчиной,
Землянка вся заселена.
И печь из бочки керосинной
До белизны раскалена.

Я спал на лавке, на кровати,
На сеновале, на траве,
В вагоне тряском, на полатях,
Я жил в гостинице «Москве».

Но здесь, где мрак, где воздух спертый,
Без простыней, без одеял
Я спал так крепко, словно мертвый,
Как никогда еще не спал.
1940

* * *

И на стихи есть тоже мода,
И у стихов — свои дела.
Сама любовь, сама природа
Меня в поэзию вела.

Я на привалах был и небыль
Струей холодной запивал,
И никогда, сознаюсь, не был
В разряде первых запевал.

Но зависть душу не глодала
Мою ни разу на веку.
Мне время тоже диктовало
Свою судьбу, свою строку.

Оно свои дарило песни
И после боя свой привал
И говорило мне: «Воскресни»,
Когда я глаз не поднимал.

Спешу, отчаиваясь снова,
Пока перо поет в руке,
Своей души оставить слово
В певучем русском языке.
1957

И НЕТ БЕЗЫМЯННЫХ СОЛДАТ

Гремят над землею раскаты.
Идет за раскатом раскат.
Лежат под землею солдаты.
И нет безымянных солдат.

Солдаты в окопах шалели
И падали в смертном бою,
Но жизни своей не жалели
За горькую землю свою.

В родимую землю зарыты,
Там самые храбрые спят.
Глаза их Победой закрыты,
Их подвиг прекрасен и свят.

Зарница вечерняя меркнет.
В казарме стоит тишина.
Солдат по вечерней поверке
В лицо узнает старшина.

У каждого личное имя,

Какое с рожденья дают.
Равняясь незримо с живыми,
Погибшие рядом встают.

Одна у нас в жизни Присяга,
И Родина тоже одна.
Солдатского сердца отвага
И верность любви отдана.

Летят из далекого края,
Как ласточки, письма любви.
Ты вспомни меня, дорогая,
Ты имя мое назови.

Играют горнисты тревогу.
Тревогу горнисты трубят.
Уходят солдаты в дорогу.
И нет безымянных солдат.
1969

* * *

Какая нива встанет на местах,
Где вся земля в могилах и крестах,
Где солнце поднимается во мгле?
Но мы живем на зависть всей земле!
И дерзости в простых сердцах у нас
Огонь неистребимый не угас.
Хочу, чтоб мысль и кровь друзей моих
Вошли в суровый откровенный стих,
Чтоб он неправдою не оскорбил
Торжественную тишину могил,
Чтоб он вошел как равный в честный круг
Моих друзей.
1945

КРАСИВОЕ УТРО

Мне приснилось, что ты погибала,
Но на помощь меня не звала.
За хребтом океанского вала
Грохотала беззвездная мгла.

Ураган, разгоняя воронку,
Захлестнул полуостров на треть.
"Подожди,- закричал я вдогонку,-
Мы ведь вместе клялись умереть!"

И проснулся. И как бы украдкой
Оглянулся в тревожной тоске.
Ты дышала спокойно и сладко
На моей занемевшей руке.

И доверчивость легкого тела,
Как волна, омывала коса.
А за окнами пеночка пела,
И со стекол сходила роса.
1967

* * *

Метет метель. Сугробы - словно горы.
Горит огонь. И в медленном тепле
Мне хочется быть нежным, как узоры
Морозного налета на стекле.

Ты с холода. Из самой прорвы синей
Вбегаешь, не снимая рукавиц.
Дай мне губами сдунуть легкий иней
С колючих и слепившихся ресниц.

Садись к огню и отогрей колени,
Стряхни росу с оттаявших волос.
Сквозь заросли тропических растений
Глядит в окно завистливый мороз.

Да где же там - завистливый! С опаской,
Чтоб не тревожить, полуночный час
Какой-то старой белой-белой сказкой,
Сам радуясь, одаривает нас.

Снегурочка, ты снова прилетела.
Ты руки застудила на лету.
Метет метель, а нам какое дело -
За окнами черемуха в цвету.

* * *

Мне все здесь дорого и свято,
У черных Пулковских высот:
Могила русского солдата,
На желтом бруствере осот;
Мать-мачехой и повиликой
С боков обросший капонир;
Перевороченный и дикий,
Какой-то первозданный мир;
Кирпичная щербатая стена,
Моих друзей простые имена.

Мне хочется, чтоб девушки и дети
Пришли сюда на утреннем рассвете,
Чтоб день был светел, чтобы ветер тих,
Чтоб солнце золотилось на дороге.
...Забудь свои печали и тревоги,-
Здесь мертвые спокойны за живых.
1945

МОЙ ПОХОДНЫЙ КОТЕЛОК

Поднималась пыль густая
Вдоль проселочных дорог,
И стучал, не уставая,
Мой походный котелок.

Пела пуля в непогоду,
Смерти кровная сестра,
Я с тобой ходил в походы,
Спал и мерзнул у костра.

Из тебя в метель ночную —
Помнишь пушечный набат?—
Пил водицу снеговую
Насмерть раненый комбат.

И однажды на опушке —
Густы ели, снег глубок —
Недобитая «кукушка»
Мой пробила котелок,

После боя раным-рано,

Как умел я и как знал,
Боевые его раны
Красной медью заклепал.

И опять пошел в дорогу,
Дует ветер, путь далек.
И подсчитывает ногу
Мой походный котелок.
1940

* * *

Л. Дамиану

Молдавия! Еще поет Земфира,
Одаривая голосом гостей,
И восславляет северная лира
Восторг и слезы роковых страстей.

Идет рассвет. А мы постель не стелем.
И, возникая в зелени ветвей,
Нам тешит души благодатным хмелем
Цыганский ветер музыки твоей.

Высокой дружбы ясная отрада
Нам очи в очи смотрит горячо.
И белый аист с гроздью винограда
Овидию садится на плечо.
1972

* * *

*На память Елене Крачковской,
автору песни о Варшаве*

Мотив у песни чист и прост,
Слова приходят сами:
«Направо — мост,
Налево — мост,
И Висла — перед нами!»

По берегам ее трава
Или песок шершавый.
Летят, летят,

Летят слова
Над новой Варшавой.

Я здесь, в Варшаве, не бывал,
Но не забавы ради
Я слышал их
И сам певал
В Москве и Ленинграде.

Прямее делалась спина,
Уверенней походка,
Пьянила
Медленней вина
Хорошая находка.

Варшавских улиц предстает
Сегодня перспектива
Как продолженье,
Как полет
Знакомого мотива.

Поэты шлют, в словах просты,
Друг другу песни-вести
И строят
Общие мосты
Для будущего вместе.
1958

НАШИ ПЕСНИ СПЕТЫ НА ВОЙНЕ

Седина отсчитывает даты,
И сквозит тревогою уют.
В одиночку старые солдаты
Песни позабытые поют.

Может, так, а может, к непогоде
Нюют раны у седых солдат.
Песни тоже вроде бы не в моде,
Вроде устарели, говорят.

Может быть, и мы и песни стары.
Высохла кровавая роса.
Новое под перебор гитары
Новые выводят голоса.

Легкие и свежие. Обиде
Не копиться, не кипеть во мне.
Наши песни спеты в лучшем виде,
Наши песни спеты на войне.

Там, где переходы и завалы,
Рваная колючка на столбах,
Умирили наши запевалы
С недопетой песней на губах.

С недопетой песней умирали,
Улыбаясь солнцу и весне.
И ко мне из неоглядной дали
Песня выплывает в полусне.

Песне что - звенеть на вольной воле,
До звезды вытягивая нить.
Только мне какой-то смутной боли,
Что ни делай, не угомонить.

И не надо! Ты меня не трогай.
У Победы тоже боль своя.
А тебе своей идти дорогой
И с девчонкой слушать соловья.

Он поет. Вовсю поет в подлеске.
Ночь тиха. Вселенная глуха.
Над ручьем пушистые подвески
Осыпает старая ольха.

Звезды затихают в хороводе,
Соловьи выводят соловьят.
Может, так, а может, к непогоде
Нынче ноют раны у солдат.

1964

НЕБОЛЬШОЙ ДЕВОЧКЕ ЕЛЕНКЕ

Какая ты смешная, право,
Походкой легкою, как дождь,
Чтобы не сделать больно травам,
Почти на цыпочках идешь.

А я оглядываюсь ради

Твоей судьбы, тебя любя,
Мне кажется, что кто-то сзади
Стоит и целится в тебя.
1967

* * *

Нет у меня пристрастия к покою.
Судьба моя своей идет тропой.
Зачем скрывать? Я ничего не скрою.
Душа моя чиста перед тобой.

Мир свеж, как снег, как снег на солнце ярком,
Голубоватым инеем прошит.
Он для тебя и для меня подарок.
Бери его! Он, как и ты, спешит.

Встречай его работой или песней,
Всею теплотой душевного огня.
Чем дольше я живу, тем интересней,
Сложней и строже время для меня.

Есть и своя у зрелости отрада,
Свои дела, но не об этом речь.
В любое время для себя не надо
Запас души и жизнь свою беречь.

Нет, мы в гостях у жизни случайны
И вымыслом и сказкой не бедны.
Земля кругла - на ней не скроешь тайны.
Зима бела - и все следы видны.

* * *

Ни прихотью, ни силой, ни тоскою,
Ни сказкою тебя не удивишь.
Над зимней, застывающей рекою
Ты в тихом одиночестве стоишь.

Морозный день. Ни облака, ни тени;
Крупчатые слепящие снега,
И розовое солнце, дым селений,
В ракитнике пушистом берега.

В дни бивуачной юности и ныне
Одной тобой по-прежнему живу.
Ты мне такую снилась на чужбине,
Такой ты мне предстала наяву.

Ты - вся моя. Дороже год от года.
Открытым взглядом для меня горишь.
Весеннею порою ледохода
Каким ты чудом землю одаришь!

Я вытерплю обиду и потерю,
До двери тропку проторю в снегу,
В беде и славе лишь тебе поверю,
Тебе одной - умру, но не солгу.
1956

НОЧЬЮ, ВСПОМИНАЯ НОЧЬ

Сквозь кактусы от подоконниц
Молочной ночи льется свет.
Идет бессонница бессонниц,
И ей конца, как звездам, нет.

Опять своих расставит пугал
И будет бестолочь толочь,
Заглядывая в каждый угол,
Еще одна седая ночь.

Опять воспоминаний рухлядь
Черт на чердак понаволок.
Они растут. И скоро рухнет
И грохнет об пол потолок.

Транзистор обнажает шкалы
И на столе скулит скулой.
И волны воют, как шакалы,
Отдельно каждую шкалой.

Опять кровавые припарки
Безумцы делают Земле.
Тигр вспоминает в зоопарке
Сквозь сон об уссурийской мгле.

У тигра тоже есть усталость,-

Он будет бредить до зари.
Их, тигров, только шесть осталось
На дикой воле Уссури.

А дерево растет напротив,
Само себе лелеет тишь
И ветки с листьями торопит,
Заглядывая выше крыш.
1967

* * *

Нынче осень, как поздняя слава,
Ненадежна и так хороша!
Светит солнце весеннего сплава,
За холмы уходить не спеша.

А по кромке озерной у леса
Зеленеют в воде камыши.
И под тенью густого навеса
Тишина и покой. Ни души.

У опушки сухого болота
Вырастает вторая трава.
Красота!- и стрелять неохота -
Поднимаются тетерева.

Я нарочно оставил двустволку,
Чтоб не трогать внимательных птиц.
А по лесу звенит без умолку
Комариная песня синиц.

В рыжей хвое лесные дороги.
Листья падают, тихо шурша.
И душа забывает тревоги,
И обиды прощает душа.

Видно, лето не кончило повесть
И запас у природы богат.
Бронзовея, прямые, как совесть,
Смотрят старые сосны в закат.
1955

О ЧЕМ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Лежала женщина. Лежала
В снегу на взятой высоте.
Торчала рукоять кинжала
В ее округлом животе.

Мела метель под Старой Руссой
Вдоль укрепленной полосы
И шевелила космы русой,
В морозном инее косы.

Лежала женщина. Лежала
У бездны бреда на краю.
И мертвой мукою рожала
Живую ненависть мою.
1967

* * *

Окружены изменчивым пространством,
Малейший в жизни отмечая крен,
Мы лишь в себе с упорным постоянством
Не замечаем вечных перемен.

Мы слово смыслом наполняем вещим,
Мы глиною ложимся на каркас
И создаем и изменяем вещи,—
А эти вещи изменяют нас.

Нет пустоты. И все всегда в полете,
В движенье на пылинке и звезде,
Живая мысль меняющейся плоти
Настойчиво пульсирует везде.

Сплетаются глубинные корни
Раздробленного в мире естества.
Над мировым законом тяготенья
Царит закон всемирного родства.
1971

ОЧЕНЬ ГРУСТНЫЕ СТИХИ

Любови Джелаловне

Мне вспоминать об этом горько,
Но я не вспомнить не могу:
Гнедая кобылица Зорька
Паслась на пушкинском лугу.

Вокруг нее, такой же масти,
Играл и путался у ног
Смешной, глазастый, голенастый,
С волнистой шерстью сосунок.

Она густой травы наелась,
Стряхнула гриву с головы.
Ей поваляться захотелось
В прохладной свежести травы.

Весь день она возила сено,
Звоня колечком под дугой.
Согнув точеное колено
Одной ноги, потом другой,

В истоме легкости и лени
Передзакатного тепла
Она склонилась на колени
И на бок медленно легла.

Заржала радостно и сыто,
Собой довольная вполне.
Над брюхом вскинула копыта
И закрутилась на спине.

Откуда было знать кобыле,
Что на нескошенном лугу
Вчера здесь гости были. Пили.
И пели в дружеском кругу.

А кто-то с "мудрою" ухмылкой,
В хмельной беспечности удал,
Буылки бил пустой бутылкой
И в воздух горлышки кидал.

...Дрожит кобыла стертой холкой,

Всей кожей с головы до ног.
И конюх ржавую карболкой
Ей заливает красный бок.

Стекает кровь из рваной раны
В мою горячую строку.
И ребра, как меридианы,
Сквозь кровь белеют на боку.
1967

ПАМЯТИ А.Т.ТВАРДОВСКОГО

Он был на первом рубеже
Той полковой разведки боем,
Где нет возможности уже
Для отступления героям.

Поэзия особняком
Его прозрением дарила.
Его свободным языком
Стихия Жизни говорила.

Сочувствием обременен
И в песне верный своеволью,
Он сердцем принял боль времен
И сделал собственной болью.

Пусть память, словно сон, во сне
Хранит для чести и укора
Всю глубину в голубизне
Его младенческого взора.

ПЕСНЬ О МОСТАХ

В мостах вражды
Нам нет нужды,-
Давай спалим мосты вражды,
Мосты войны,
Мосты тревог,
Обиды пройденных дорог.

Основы
Новой

Путь не прост,
Давай построим новый мост
От сердца к сердцу напрямик,
С материка
На материк.

Построим мост.
На том мосту
Поставим дружбу на посту.
И будем вместе строить мост
С земли до звезд,
С земли до звезд!
1958

ПЕСНЯ НЕЗНАКОМОЙ ДЕВОЧКЕ

О. Ф. Берггольц¹

Я нес ее в госпиталь. Пела
Сирена в потемках отбой,
И зарево после обстрела
Горело над черной Невой.

Была она, словно пушинка,
Безвольна, легка и слаба.
Сползла на затылок косынка
С прозрачного детского лба.

И мука бесцветные губы
Смертельным огнем запекла.
Сквозь белые сжатые зубы
Багровая струйка текла.

И капала тонко и мелко
На кафель капелью огня.
В приемном покое сиделка
Взяла эту жизнь у меня.

И жизнь приоткрыла ресницы,
Сверкнула подобно лучу,
Сказала мне голосом птицы:
- А я умирать не хочу...

И слабенький голос заполнил

Мое существо, как обвал.
Я памятью сердца запомнил
Лица воскового овал.

Жизнь хлещет метелью. И с краю
Летят верстовые столбы.
И я никогда не узнаю
Блокадной девчонки судьбы.

Осталась в живых она, нет ли?
Не видно в тумане лица.
Дороги запутаны. Петли
На петли легли без конца.

Но дело не в этом, не в этом.
Я с новой заботой лечу.
И слышу откуда-то, где-то:
- А я умирать не хочу...

и мне не уйти, не забыться.
Не сбросить тревоги кольцо.
Мне видится четко на лицах
Ее восковое лицо.

Как будто бы в дымке рассвета,
В неведомых мне округах,
Тревожная наша планета
Лежит у меня на руках.

И сердце пульсирует мелко,
Дрожит под моею рукой.
Я сам ее врач, и сиделка,
И тихий приемный покой.

И мне начинать перевязку,
Всю ночь в изголовье сидеть,
Рассказывать старую сказку,
С январской метелью сесть.

Глядеть на созвездья иные
Глазами земными в века.
И слушать всю ночь позывные
Бессмертного сердца. Пока,

Пока она глаз не покажет,

И не улыбнется в тени,
И мне благодарно не скажет:
- Довольно. Иди отдохни.
1964

ПИСЬМО БРОНЗОВОЙ РУСАЛКЕ В КОПЕНГАГЕН

Я знаю Данию по сказкам Андерсена.
На бирже сказки сведены к нулю,
И я глазел, как происходит смена
Медвежьих шапок, верных королю.

Традиция! Я не вступаю в споры.
Пусть крутится, как век заведено,
В инерции не чувствуя опоры,
Истории твоей веретено.

Торги идут. И выручки неплохи.
Разменяны на доллары грехи.
Туристы — что? — назойливы, как блохи.
И я скакал подобием блохи.

Меня по Копенгагену крутила
Туда-сюда невыносимая прыть.
Мне времени, как видишь, не хватило
Наедине с тобой поговорить.

А так хотелось. Но, пугая взоры,
Отыскивая подходящий вид,
Неистовые щелкают затворы —
С тобою каждый сняться норовит.

Один на камень залезает смело.
Обнять тебя пытается другой.
А ведь тебе все это надоело,
И неудобно все-таки нагой.

Всех разогнал бы. Да нахальства нету.
Чужой закон, и — права тоже нет.
А может, разрешается поэту
Иметь с тобой какой-нибудь секрет?

Я новой встречей тихо душу грею.
Года в разлуке — грустные года.

Когда опять приеду — постарею.
Ты, бронзовая, — вечно молода.

Но выслушай: давай держать в секрете
Наш разговор для будущих времен.
Быть может, я — единственный на свете,
Отчаявшийся твой Пигмалион.

Медвежьих шапок неизбежна смена.
Торги идут. И с правдой спорит ложь.
Я буду ждать, листая Андерсена,
Когда ты снова в сказку уплывешь.
1958

ПИСЬМО ИЗ «КРАСНОЙ СТРЕЛЫ»

Когда тебе я не помощник в горе,
Когда слова сочувствий ни к чему,—
Печальному, с самим собой в раздоре,
Я обращаюсь к твоему уму.

Еще не все испробовано в мире,
Еще он свеж и не кровоточит.
Вильям Шекспир не думает о Лире,
И Лермонтов о Пушкине молчит.

Еще о Руставели грезит келья
Всей пустотой тоски в монастыре,
И пьяница в предчувствии похмелья
Еще не просыпался на заре.

Еще не подступилось, окружая,
Раскаянье к нему. И налегке,
В блаженной страсти, женщина чужая
Спит на его, как на родной, руке.

Еще меж ними не порвались звенья,
Еще плечо доверено плечу...
Я не желаю для тебя забвенья,
Я действия твоей души хочу.

На свежий воздух выйди из угара,
Где, тощие растенья теребя,
Недоумений старая отара

Ждет нынче не Кязима, а тебя.

Бери свой посох! Гор отроги строги,
Промыто небо таинством воды.
Смертельное желание дороги
И есть освобожденье от беды.

Идущие да будут вечно правы.
Попутным ветром горизонт раздут.
И на камнях прорастают травы,
Как на сомненьях истины растут.

1971

Примечания:

ПИСЬМО ЯРОСЛАВУ СМЕЛЯКОВУ

А лжи недолго править миром.
Пусть правда ложь бросает в дрожь.
Пусть только временным кумирам
На их погибель служит ложь.

И Пушкин знал, как при Пилате,-
Ему за все держать ответ.
Знал, что за слово правды платит
Своим изгнанием поэт.

Словесный мусор гонит в Лету
Волна упрямого стиха.
...Сейчас в Михайловском лето,
И зноен день, и ночь тиха.

И я не вижу святотатства
В том, что на пушкинском лугу
По старому закону братства
Тебя не вспомнить не могу.

Давно со мной живет твой голос,
Еще с мальчишества. Не раз,
Ликуя, веруя, кололась
Моя душа о твой рассказ.

И строй твоей высокой речи
Как бы на новую ступень
Над чередой противоречий

Благословлял идущий день.

И он был строгим до предела,
Ложился лугом под косу.
И мгла ненастная редела,
И пела иволга в лесу.

А что касается изгнания,
То лучше многих знаешь ты:
Изгнание Пушкина - признание
Его чистой правоты.
1967

* * *

По щебню пулковских расщелин
Окоп взбирался на окоп.
...Опять зениткою нацелен
В ночное небо телескоп.

Там солнца плавают в пожарах,
И там, загадочна досель,
Как на прицеле, в окулярах
Дрожит космическая цель.

Астроном мыслью путь проделал
В необозримый мир планет,
И как вселенной нет предела,
Мечте его предела нет.

И за мечтою этой смело,
Опережая чудеса,
Ракеты трепетное тело
С земли рванется в небеса.

Оно пройдет потоком света,
Меж звезд сияя горячо.
...Снежинка - малая планета -
Ему садится на плечо.
1955

* * *

Прекрасен мир противоречий,
Он высек искру из кремня.
Он дал мне мысль и чудо речи
И в ход времен включил меня.

Его познания добрый гений
Мне приоткрыл явлений суть —
Цепь бесконечных превращений
И вечной мысли вечный путь.

В неистребимой тяге к свету
Я сам в себе нашел ответ:
Что для меня покоя нету,
Что мне, как миру, смерти нет.
1971

ПРИЗНАНИЕ ЧУДАКА

Чудак - от слова "чудо".
Но, смерти вопреки,
Земля живет, покуда
Есть в мире чудаки.

Я плачу и чудаку.
Ни дома, ни кола.
Но всем сулят удачу
Мои колокола.
1967

ПРОЩАЯСЬ С ВЕНЕЦИЕЙ

В. Н. Орлову

Венеция уходит. Не тревожь
Венеции дождей и старых дождей,
Смуцавшей оборванцев и вельмож
Осанкою и золотистой кожей.

Венеция уходит в глубину,
Венеция скрывается из виду,
Перечеркнув старинную вину
И позабыв последнюю обиду.

Венеция уходит навсегда.
Уходят тротуары и подмости.
И куполом смыкается вода
Над рыжим завихрением прически.

Там в изумрудном забытьи воды
Ее кольцо колышется неярко,
И медленно смываются следы
Моей любви с камней святого Марка.

Венеция! Уходит страсть и статья.
Сестра моя, а мне куда податься!
Венеции положено блистать,
Венеция устала торговаться.

Венеция уходит. На канал
От железнодорожного вокзала
Оплакивать последний карнавал
Последняя гондола опоздала.

Парада нет, и пушки не палят.
Обманутая временем жестоко,
Венеция уходит в Китеж-град,
Как женщина, легко и одиноко.

Горит ее пленительная прядь,
Прочесанная солнцем над волною.
...О чем ты призадумалась? Присядь.
Когда мы снова встретимся с тобою?
1971

ПУШКОВ

Нависло небо сизой глыбой,
Багровый дым, и рев, и стон.
Четвертый день пылает Выборг,
Со всех окраин подожден.

А у меня из Армавира,
И, может, нужные всеьма,
Лежат на имя командира
Четыре свежие письма.

Он их вернул мне, не читая:

«Ответь, мне некогда сейчас».
И я сажусь и отвечаю,
Как отвечал немало раз.

А что теперь,— когда, бушуя,
Замолк салют, растаял свет,—
Что этой ночью напишу я,
Когда Пушкива больше нет?

Когда остался холмик мерзлой,
Со снегом смешанной земли,
Откуда виден Выборг грозный,
Огнем подернутый вдали.

Я знаю, есть закон такой,
Мы все за одного в ответе:
Убьют меня — придет другой,
Убьют другого — встанет третий!

Но как об этом написать,
Как матери сказать про это?
Не шлите писем больше, мать,—
Вы не получите ответа.
1940

РОДНИК

Шумят ак-манайские вязы,
Камням и корням лозняка
Плетет потихоньку рассказы
Живая струя родника.

Меж листьев от солнца обронен
На дно родника золотой.
Здесь, кажется, был похоронен
Когда-то какой-то святой.

Давно меж людьми позабыто
Прозванье его и труды.
А сколько здесь было испито
Прозрачной холодной воды!

И сколько здесь было от веку
И скрылось людей вдалеке -

Не может сказать человеку
Родник на своем языке.

Я в тонком, прозрачном скольжении
Воды между мелких камней
Чужое искал отражение,
Свое оставляя на ней.

Звенела над клевером пчелка.
От облака тень проплыла.
К воде подошла перепелка
И долго по капле пила.

Потом оглянулась с опаской
И скрылась в траве вырезной.
Я ждал, что появится сказка,
Пройдет по тропинке лесной.

Но сказка не вышла. А вышел,
Кусты раздвигая, плечист,
Седого ольшаника выше,
Чумазый, как черт, тракторист.

До пояса голое тело
Загаром цвело горячо.
Полдневное солнце присело,
Как беркут, к нему на плечо.

Он пил, умывался. Был вкраплен
В струю ледяную на дне.
И плавилась крупные капли
На смуглой широкой спине.

Травинкой любой узнаваем,
Довольный своею судьбой,
Ушел он, веселый хозяин,
И сказку увел за собой.

1948

САМСОН

Я в Петергофе не был никогда.
И вот сейчас брожу среди развалин,
Где красный щебень по земле развален,
Где на столбах обвисли провода;

Где голые безрукие деревья
Стоят, как привиденья из поверья;
Где старый храм с глазницами пустыми,
Где пахнет мертвым запахом пустыни,
Где дикая ночная тишина
Назойлива и смысла лишена.
Мне кажется, когда глаза закрою:
Песчаный берег, залитый волною,
Граненые хрустальные стаканы,
Прозрачное холодное вино,
До синих звезд летящие фонтаны...
В мечтах и снах нам многое дано.
Когда жива мечта, я не поверю
В ничем не поправимую потерю.
Пусть в явь земную переходит сон!
Я вижу ясно, как на поле сечи
Идет, крутые разгибая плечи,
Неистовый, разгневанный Самсон.
1944

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Путь далек у нас с тобою,
Веселей, солдат, гляди!
Вьется знамя полковое,
Командиры впереди.

Солдаты, в путь, в путь, в путь!
А для тебя, родная,
Есть почта полевая.
Прощай! Труба зовет,
Солдаты - в поход!

Каждый воин, парень бравый,
Смотрит соколом в строю.
Породнились мы со славой,
Славу добыли в бою.

Пусть враги запомнят это:
Не грозим, а говорим.
Мы прошли с тобой полсвета.
Если надо - повторим.

Солдаты, в путь, в путь, в путь!

А для тебя, родная,
Есть почта полевая.
Прощай! Труба зовет,
Солдаты - в поход!
1954

СОЛОВЬИ

О мертвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова

Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели. В нас
Остался только пепел, да упрямо

Обветренные скулы сведены.
Тристапятидесятый день войны.

Еще рассвет по листьям не дрожал,
И для остратки били пулеметы...
Вот это место. Здесь он умирал -
Товарищ мой из пулеметной роты.

Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,

Смотрел на нас и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.

Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней
Запри все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал.

Потом сильнее, входя в горячий пыл,
Как будто сразу вырвавшись из плена,
Как будто сразу обо всем забыл,

Высвистывая тонкие колена.

Мир раскрывался. Набухал росой.
Как будто бы еще едва означась,
Здесь рядом с нами возникал другой
В каком-то новом сочетанье качеств.

Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.

Еще минута - задымит сирень
Клубами фиолетового дыма.
Она пришла обескуражить день.
Она везде. Она непроходима.

Еще мгновенье - перекосит рот
От сердце раздирающего крика.
Но успокойся, посмотри: цветет,
Цветет на минном поле земляника!

Лесная яблонь осыпает цвет,
Пропитан воздух ландышем и мятой...
А соловей свистит. Ему в ответ
Еще - второй, еще - четвертый, пятый.

Звенят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом
Раскидан настороженный уют
Тяжелым гроыхающим снарядом.

А мир гремит на сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.

Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростною жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и к воде.

Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой, бурлящий водоем.
Мы, кажется, забыли на мгновенье

О друге умирающем своем.

Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся острого лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.

Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: "Ребята, напишите Поле -
У нас сегодня пели соловьи".

И сразу канул в омут тишины
Тристапятидесятый день войны.

Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.

И, может быть, в песке, в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу: "Ребята, дайте знать Ирине -
У нас сегодня пели соловьи".

И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Зубовский проезд.

Пусть даже так. Потом просохнут слезы,
И не со мной, так с кем-нибудь вдвоем
У той поджигородовской березы
Ты всмотришься в зеленый водоем.

Пусть даже так. Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.

Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим потом.

1942

СОЛОВЬИНЫЙ КУСТ

Не знаю, кто срубил и сжег от скуки
Куст ивняка на въезде к пустырю.
...Там соловей в середине ночи стучал
Стеклянной палочкой по хрусталю.

И вслед за этим начиналось диво:
Луна садилась зубру на рога,
Медоточила жгучая крапива,
Чертополох рядился в жемчуга.

Дуб вырастал из-под земли, как песня.
За ним тянулись в небо сыновья,
Земля раскачивалась в поднебесье
На тонкой нитке свиста соловья,

Звенели звезды, падая под воду,
И на себя глядели из воды,
И сказки убегали на свободу,
Освобождая повод от беды,

Ночь ликовала, вслушиваясь в дали.
Вселенная задерживала вздох.
...Срубили куст — и на Земле Печали
Крапиву задушил чертополох.
1971

* * *

Стареют ясные слова
От комнатного климата,
А я люблю, когда трава
Дождем весенним вымыта.

А я люблю хрустящий наст,
Когда он лыжей взрежется,
Когда всего тебя обдаст
Невыдуманной свежестью.

А я люблю, как милых рук,
Ветров прикосновение,
Когда войдет тоска разлук
Огнем в стихотворение.

А я люблю, когда пути
Курятся в снежной замяти,
А я один люблю брести
По темным тропам памяти.

За тем, что выдумать не мог,
О чем душа не грезила.
И если есть на свете бог,
То это ты - Поэзия.
1946

СТИХИ В ЧЕСТЬ А.Ф. И Л.А. АНДРЕЕВЫХ

Сегодня честь по чести
Положено стиху
Хвалу воздать невесте
И почесть жениху.

Сегодня знают дети,
Подруги и друзья,
Что лучше быть на свете,
Чем вы сейчас, нельзя.

Вы — на волне привета
Сочувствующих глаз.
И жизнь с вершины лета
Благословляет вас.

Звучанье и значенье
Всего, что мы творим,
И жизни продолженье
Дается вам двоим.

Широкая гулянка
Бьет в желтый бубен дня.
И тешится тальянка —
Гармонии родня.

Разведены уместно
Цветастые меха.
Хмелен жених. Невеста
Хмельна от жениха.

По лугу эхо глухо
Пускается в полет.
И старая старуха
Про молодость поет.

Старинной песне внемлю.
Прекрасной без прикрас,
И верю в эту Землю,
Цветущую для вас.

Где соловьи, немея,
Росу по капле пьют
И «цепи Гименея»
Кузнечики куют.
1972

СТИХИ О НЕОБХОДИМОСТИ

На тихих клумбах Трептов-парка
Могил в торжественном покое
Давно горят светло и ярко
Пионы, астры и левкой.

И за судьбу земли спокоен;
Ее простор обозревая,
Стоит под солнцем русский воин,
Ребенка к сердцу прижимая.

Он родом из Орла иль Вятки,
А вся земля его тревожит.
Его в России ждут солдаты,
А он с поста сойти не может.
1958

СТИХИ О САМОМ ПЕРВОМ

Подснежник там еще, под настом,
Но через наста хрусткий пласт
Он знак условленный подаст нам,
Уже без кода передаст.

И выйдет — вызов зимней прозе,
И, захлебнувшись новизной,

Погибнет первым на морозе,
Так и не встретившись с весной.
1971

СЧИТАЙТЕ МЕНЯ КОММУНИСТОМ!

Январский мороз разгорался лютей.
Стекались бессчетные толпы людей.
Всю ночь до рассвета, тревожно-остры,
На площади Красной горели костры.
Над ленинским гробом под медленный гул
Рабочий с винтовкой вставал в караул.
И твердо стоял. И летели к нему
Слова, согревавшие колкую тьму:
"Считайте
меня
коммунистом!"

В неравном бою у Валдайских высот
Смертельно подбитый дымил самолет.
Под ним каруселью крутилась земля.
Вцепился в штурвал командир корабля.
Машину, подвластную крепкой руке,
Он бросил на танки фашистов в пике.
В дыму задыхаясь, кричал командир
В оглохший от гулких разрывов эфир:
"Считайте
меня
коммунистом!"

Хозяин земли, трудовой человек -
Французский горняк, героический грек,
И негр из Техаса, и рурский шахтер,
За правду смертельный ведущие спор,
Всё чаще и чаще врагам говорят -
Слова эти громче разрывов гремят,
Сквозь дробь пулеметов и пенье свинца,
К великой борьбе окрыляя сердца:
"Считайте
меня
коммунистом!"

Мне в жизни даны золотые права
На самые светлые в мире слова.

Я песней народу обязан служить!
Веселые песни о счастье сложить!
Я лучшие чувства словам передам,
Чтоб птицей летели слова по рядам,
Чтоб в сердце входила, чиста и строга,
На радость друзей, боевая строка,
Чтоб честные люди на светлой земле
Считали
    меня
        коммунистом!
1949

ТВОЕЙ СВОБОДЫ ВЫСТРАДАННЫЙ ПУТЬ

Стихи, стихи, бойцы моей души.
Моя победа и моя отравка.
Забвенья и сомненья камыши...
И под обстрелом стонет переправа.

Что ждет тебя на дальнем берегу?—
Неведомо перегорелым нервам.
Сквозь тину и болотную кугу
Какое слово выберется первым?

Но ты жива, поэзия, жива!
Как тот приказ в фельдъегерском конверте,
Всегда твои нуждаются слова
Не в чем-нибудь, а в подтвержденье смертью.

Ты весь огонь берешь себе на грудь,
И, свет зари перемежая тенью,
Твоей Свободы выстраданный путь
Проходит через гибель к воскресенью.
1969

* * *

Михаилу Львову

Что делать! Я - традиционен.
Своей традиции в кругу
Живу на старом рациионе
И измениться не могу.

Закон традиции не вечен.
Пророк - пророчит. Хам - хамит.
А на поверку - сущность речи
Устойчивее пирамид.

Волна размерами Гомера
О камни бьется головой.
Свое достоинство и мера
Есть в строе речи волевой.

Не будучи залетной птицей,
Я видел, как один шутник
Менял трапеции традиций
На акробатики турник.

И выходило лихо!
Снова
Я плачу перед наготой
Святой естественности слова,
Дивясь высокой простотой.
1967

Я

Все Я да Я... А что такое Я?
Трагедия земного бытия.
Сближение, рождение и тлен,
И бесконечность вечных перемен,
Устроенное мудро и хитро
Вселенной беспокойное ядро,
Природы совершенство и венец,
Гармонии начало и конец,
Победы безымянные холмы,
Где Я навеки переходит в Мы,
Над грозными провалами — успех
И искупленье преступленья всех,
Объединенье множества имен,
Связь поколений и тоска времен,
Ликующая над судьбой большой
Земная плоть с космической душой?
Извечная основа бытия —
Мое неумирающее Я!
1971

* * *

Я воевал, и, зная, не даром
Война вошла в мои глаза.
Закат мне кажется пожаром,
Артподготовкою - гроза.

На взгорье спелая брусника
Горячей кровью налилась.
Поди, попробуй, улови-ка
И объясни мне эту связь.

Года идут, и дни мелькают,
Но до сих пор в пустой ночи
Меня с постели поднимают
Страды военной трубачи.

Походным маршем дышат ямбы,
Солдатским запахом дорог,
Я от сравнений этих сам бы
Освободился, если б мог.

И позабыл, во имя мира,
Как мерз в подтаявшем снегу,
Как слушал голос командира,
Но, что поделать,- не могу!

Подходят тучи, как пехота,
От моря серую волной.
И шпарит, как из пулемета,
По крыше дождик проливной.
1955

* * *

Д. Хренкову

Я жизнь свою в деревне встретил,
Среди ее простых людей.
Но больше всех на белом свете
Любил мальчишкой лошадей.

Все дело в том, что в мире голом
Слепых страстей, обидных слез

Я не за мамкиным подолом,
А без семьи на свете рос.

Я не погиб в людской остуде,
Что зимней лютости лютей.
Меня в тепле согрели люди,
Добрей крестьянских лошадей.

Я им до гроба благодарен
Всей жизнью на своем пути.
Я рос. Настало время, парень,
Солдатом в армию идти.

Как на коне рожденный вроде,
Крещен присягой боевой,
Я начал службу в конном взводе
Связным в разведке полковой.

И конь - огонь! Стоит - ни с места.
Или галопом - без удил.
Я Дульцинею, как невесту,
В полку на выводку водил.

Я отдавал ей хлеб и сахар,
Я был ей верного верней.
Сам командир стоял и ахал
И удивлялся перед ней.

Но трубы подняли тревогу,
Полночный обрывая сон.
На север, в дальнюю дорогу,
Ушел армейский эшелон.

А там, в сугробах цепенея,
Мороз скрипел, как паровоз.
И - что поделать!- Дульцинея
Ожеребилась в тот мороз.

Заржала скорбно, тонко-тонко
Под грохот пушек и мортир.
И мне:- Не мучай жеребенка... -
Сказал, не глядя, командир.

Я жеребенка свел за пойму
Через бревенчатый настил

И прямо целую обойму,
Как в свою душу, запустил.

Стучали зубы костью о кость.
Была в испарине спина.
Был первый бой. Была жестокость.
Тупая ночь души. Война.

Но в четкой памяти запались:
Мороз, заснеженный лесок
И жеребенок, что за палец
Тянул меня, как за сосок.
1959

* * *

Я синей песней изойду
На том далеком перекрестке,
Где ночь затеплила звезду
На подрастающей березке.

Где родниковая вода
Бежит сквозь заросль бересклета,
Где прошлогодняя беда
Забыта в нынешнее лето.

Где запоздалый василек,
Достойный брат небесной сини,
Цветет как радость, как намек
О покорении пустыни.

О жизнь! Твой голос не умолк!
Он стар, как мир, и молод внове,
Как откровение и долг
В самом биенье юной крови.

И все живущее родней.
И прошлое с грядущим схоже.
А радость! Чем она трудней,
Тем превосходней и дороже.
1970

* * *

Я слишком долго был счастливым
И перестал душой ценить
Когда-то бьющую приливом
Любовь, сходящую на нить.

Был мир глазаст, цветаст и ясен,
Как солнце, в очи била страсть.
Нет, не старайся — труд напрасен.
Не свяжешь. Нить оборвалась!

Но где-то там, еще в глубинах
Раздумий тяжких и обид,
Боясь взорваться, как на минах,
Надежда тихая стоит.

Из дальней дали, злой и строгой,
Через отчаянье и ложь
В последний раз меня растрогай,
Последним взглядом обнадежь.
1956

ЯНТАРЬ

Кусок промытый янтаря,
Прозрачный, как заря,
Вчерашний выбросил прибой
В подарок нам с тобой.

Прозрачный, как цветочный мед,
Он весь сквозит на свет.
Он к нам дошел, к другим дойдет
Сквозь сотни тысяч лет.

Он выплыл к нам с морского дна,
Где тоже жизнь цвела,
А в глубине его видна
Застывшая пчела.

И я сквозь тысячи годов
За ней готов в полет:
Узнать - с каких она цветов
Свой собирала мед.

Я жизнь люблю. Она рассказ

Развертывает свой.
и как мы счастливы сейчас,
Лишь знаем мы с тобой.

Теперь уже не наугад,
Наш опыт разберет -
И что такое в жизни яд
И что такое мед.

Любовь. Ее не взять годам
И силой не сломать.
Я сам, я сам ее раздам,
Чтобы опять, опять

Она на радость молодым
В прожилках янтаря
Сквозь сотни лет пришла к другим,
Живым огнем горя.